

Ак-Бозат — эпизод 5 из 6

Дам тебе в придачу лучшую кибитку...

Нет...

Дам тебе серебряных денег, сколько можешь взять обеими руками.

Нет...

Дам тебе шелковый бешмет и два шелковых халата.

Нет...

Дам ружье, кинжал, саблю...

Нет.

Чего же тебе нужно?

Мне ничего не нужно, Цацгай...

Впрочем, раз Бухарбай сам сказал:

Давай все, что обещаешь, и Мэчит в придачу.

Ого, ты не дурак... Только этого никогда не будет.

Как знаешь. А мне и так хорошо...

Начал Цацгай сердиться на упрямого пастуха. Уж очень он зазнался со своей лошастью... Мало ли в степи хороших скакунов? Но как Цацгай ни успокаивал себя, но чудная лошадь не выходила у него из головы. Что ему, в самом деле, теперь нужно: все у него есть. Даже новую жену не нужно... А если бы была у него Ак-Бозат, он стал бы ездить по степи и на каждой байге всех бы обгонял. Нет другой такой лошади... Старик даже похудел, потерял сон и так заскучал, что не знал, куда ему деваться. И собственное богатство сделалось немило...

Кончилось тем, что Цацгай серьезно разнемогся. Лежит у себя в кибитке и стонет. Ни есть, ни пить не может. Наконец, он сказал Мэчит:

Иди и позови сюда этого упрямого осла... Я хочу с ним говорить.

Когда в кибитку вошел Бухарбай, старик сказал:

Я захворал из-за твоего упрямства... Ты глуп, как четыре осла! Да... Если бы я был молод, я украл бы твою Ак-Бозат! А теперь... Слушай, упрямый человек, что я тебе скажу: бери, что хочешь, и... Мэчит в придачу.

Поклонился Бухарбай и отвечал:

Ты много даешь, Цацгай, а хочешь взять у меня все... Ак-Бозат благородной крови Исэк-Кырган. Когда я уходил из своего аула нищим, мать мне сказала, чтобы я не отдавал Ак-Бозат ни за что. Но я подумаю...

Убирайся, худой человек, и думай! стонал старик.

Когда Бухарбай выходил из кибитки, он встретил Мэчит; она стояла у входа, слышала весь разговор и теперь горько плакала.

Ты меня не любишь, Бухарбай... шептали девичьи губы, еще так недавно

смеявшиеся над ним.

Не тронули Бухарбая просьбы и обещания старого Цацгая, а тронули девичьи слезы. Он вернулся в свою кибитку, как пьяный. Все у него кружилось в голове, и он не знал, что ему делать.

Лежит у себя в пастушьей дырявой и грязной кибитке Бухарбай, лежит и думает, а перед ним заплаканное девичье лицо, и девичий сладкий голос, и своя собственная жалость. Слышит он, как ходит недалеко от кибитки его сокровище Ак-Бозат, и опять не знает, что ему делать. Другие пастухи спят, а он мучится, как преступник. Молодое сердце так и бьет тревогу... Наконец, оно взяло перевес, и Бухарбай решился уступить Ак-Бозат старому Цацгаю. Но только он это подумал, как слышит, что Ак-Бозат заржала. Не успел он выскочить из кибитки, как послышался громкий топот. О, как знал Бухарбай этот топот... Вор подкрался ночью и теперь летел, как ветер. Бросился Бухарбай в табун, выбрал лучшую лошадь и полетел в погоню. Гонит он час, гонит другой, и опять он слышит знакомый топот. Дрогнуло сердце в груди Бухарбая, и погнал он лошадь еще сильнее. Начинало светать, когда он завидел вдали Ак-Бозат. Неужели это его Ак-Бозат, и неужели он ее догонит на простой табунной лошади? Еще никто не обгонял Ак-Бозат. Еще час гонится Бухарбай, вор уж совсем близко. Облилось кровью сердце Бухарбая, когда он настигал его. Не утерпел джигит и крикнул;

Эй ты, шайтан, не умеешь ездить... Потрепли лошадь по шее!..

Вор так и сделал. Ак-Бозат полетела, как стрела. Скоро пропала совсем из виду. Бухарбай загнал насмерть свою лошадь, упал на землю и горько заплакал. Это аллах его наказал за то, что он хотел уступить благородную Ак-Бозат старому Цацгаю. Любовь его ослепила...